Как Гитлер Сталину хотел «своих» евреев сбагрить

Евреев заставляют мыть мостовые, Вена, 1938

В бывшем Партийном архиве СССР (нынешнем РГАСПИ) хранится поразительный документ — письмо начальника Переселенческого Управления при СНК СССР Чекменева председателю Совета Народных Комиссаров Молотову от 9 февраля 1940 года.

Вот его текст:

Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР — конкретно в Биробиджан и Западную Украину.

По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения, на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские.

Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты.

Прошу указаний.

Если полагать, что письма из Берлинского и Венского переселенческих бюро подписали их руководители, то отправителями должны были быть не кто иные, как Адольф Эйхман из Берлинского бюро, и Франц Йозеф Хубер — из Венского. Но над ними витала густая тень руководителя РСХА Рейнхарда Гейдриха.

Переселенческое Управление, в которое поступил запрос из Берлина и Вены, действительно, было наиболее корректным адресатом для Эйхмана и его коллег. То была организация, отвечавшая в СССР за организацию плановых государственных переселений, осуществлявшихся, в основном, на добровольной основе. Этим оно отличалось от Главного управления лагерей НКВД (ГУЛАГ), отвечавшего за насильственные переселения (депортации) осужденных и заключенных.

Итак, Гитлер предлагает Сталину забрать себе всех евреев, оказавшихся к этому моменту под германским сапогом. Ответ ясен: благодарим за лестное предложение, но забрать ваших евреев, извините, не можем!

Что ж, попробуем взглянуть на письма из Берлина и Вены с трех разных точек зрения — из перспективы отправителя, перспективы адресата и перспективы их взаимоотношений на тот момент времени.

Деятельность Эйхмана

Главным мотором всей интриги был, скорее всего, Эйхман. С 1 октября 1934 года он служил в Главном управлении СД, референтом в реферате II 112 (Referat Juden), где занимался вопросами форсирования еврейской эмиграции из Германии, изучал иврит и идиш, знакомился с сионистскими лидерами. В 1938 году, вскоре после аншлюса Австрии, его переводят в Вену.

Очередь за получением разрешения на эмиграцию, Вена

Еврейская эмиграция из Вены сталкивалась в это время с трудностями бюрократического порядка: евреи, в эмиграции которых государство было так заинтересовано, неделями простаивали в очередях. Одна из причин этого — первоочередное оформление документов состоятельных евреев, привлекавших для этого немецких адвокатов с хорошими связями, что, конечно же, было недоступно беднякам. Социально (а не только национально!) чувствительный Эйхман «вступился» за еврейских бедняков и восстановил «справедливость» в очереди на вышвыривание с родины. Оформление необходимых бумаг стоило около 1000 рейхсмарок и занимало от 2 до 3 месяцев.

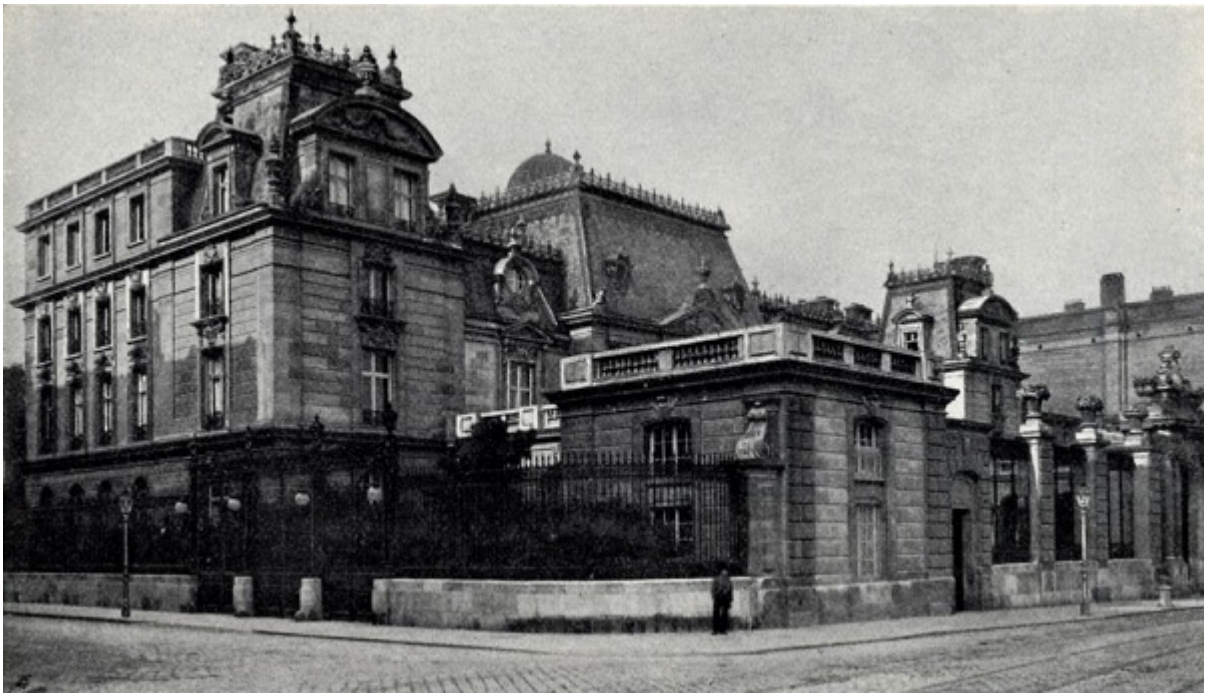
20 августа 1938 года в Вене был создан Центр по еврейской эмиграции, призванный всесторонне регулировать (в смысле торопить и ускорять) эмиграцию австрийских евреев и уполномоченный выдавать им разрешения на выезд. В компетенцию Центра, располагавшегося в символическом месте — бывшем дворце Ротшильда на Prinz-Eugen-Str. 22 — входило создание всех необходимых условий для эмиграции, включая переговоры со странами-

реципиентами, взаимодействие с туристическими и транспортными агентствами, издание соответствующих инструкций и т.п.

Время обработки заявлений удалось сократить до восьми дней. В качестве характерного ноу-хау Эйхмана можно отметить принцип самофинансирования Центра: оно содержалось не из бюджета, а за счет специального эмиграционного сбора, взимавшегося с выезжающих евреев. В результате за первые же 2,5 месяца своей деятельности Центр выпроводил из Австрии 25 тыс. евреев, а всего за первые полтора года его существования около 150 тыс. австрийских евреев были вынуждены с любезной помощью Центра покинуть страну.

В начале ноября 1938 года, то есть всего за несколько дней до Хрустальной ночи, Эйхман направил в Берлин отчет о деятельности Центра, в котором, в частности, напоминал о своей инициативе организовать аналогичный орган во всеимперском масштабе. События Хрустальной ночи добавили много нового в антиеврейскую проблематику, так что решение Гейдриха созвать 12 ноября совещание, посвященное выработке стратегии Рейха в еврейском вопросе, не выглядит удивительным. На этом совещании Геринг от имени Гитлера подчеркивал перспективы Плана Мадагаскар, а Эйхман доложил о своем венском опыте.

Несмотря на погромные настроения «окончательное решение еврейского вопроса» в то время мыслилось еще в категориях эмиграции, а не ликвидации. В своеобразном эмиграционном раже Эйхман договорился даже до того, что в середине февраля 1939 года, ссылаясь на более чем двукратный спад динамики заявлений на эмиграцию, предложил освободить из Дахау и Бухенвальда всех австрийских евреев, заключенных туда после 9 ноября 1938 года, и отправить их куда подальше заграницу. Это предложение, однако, не встретило понимания в СС.

Бывший дворец Ротшильда, где располагался Центр по еврейской эмиграции

Но прошло еще некоторое время, пока пропагандируемый Эйхманом орган был действительно организован Гейдрихом в Берлине. Это произошло на следующий день после того, как Гитлер произнес в Рейхстаге 30 января 1939 года свои язвительные слова о поведении демократических стран, проливающих слезы о судьбе несчастных немецких евреев и одновременно отказывающих им во въездных документах. Еще через восемь дней с похожими провокациями выступил и Альфред Розенберг, чьей шокированной аудиторией стали дипломатический корпус и иностранные журналисты: он потребовал от Англии, Франции и Голландии создания еврейского резервата на 15 миллионов человек где-нибудь на Мадагаскаре, в Гайане или на Аляске.

Новая организация получила название Имперского Центра по еврейской эмиграции. Получив назначение возглавить его, Эйхман покидает Вену и возвращается в Берлин, а 21 декабря Гейдрих назначил Эйхмана главой спецреферата IV D 4, призванного координировать все переселения евреев и поляков на оккупированной польской территории. В результате Эйхман стал поистине ключевой фигурой в реализации всех проектов по «решению еврейского вопроса».

Их венцом станет, в конечном счете, организация транзитных лагерей и

широкой сети гетто при железнодорожных узлах в оккупированных областях на Востоке, сосредоточение в них миллионов евреев — с последующей их депортацией в концлагеря и лагеря уничтожения. Как практику, ему еще многое предстоит обдумать, освоить, предложить и усовершенствовать. К познаниям в области иудаики и гебраистики придется присовокупить и сведения из химии и физиологии человека, помогающие найти правильное решение при ответе на такой, например, нелегкий вопрос: какой из выпускаемых промышленностью удушающих газов эффективнее и рентабельнее при ликвидации людского материала. И глубоко заблуждаются те, кто считают его клерком, кабинетной крысой в нарукавниках: командировки в гетто и концлагеря доказывают обратное.

«Операция Ниско»

Первой акцией Эйхмана в Берлине стала так называемая «Операция Ниско». После оккупации Польши в сентябре 1939 года в немецких руках оказалось почти вчетверо больше евреев, чем их было в Германии до прихода нацистов к власти, — около 2 миллионов человек. Около четверти из них проживали на землях, инкорпорированных в Рейх. Депортации и освобождение их от еврейского населения казались само собой разумеющейся и первостепенной задачей. Но возникал вопрос: а куда? Где это тихое, удаленное и не предназначенное для «германизации» место? Где будет возрождена российская черта оседлости для евреев в ее немецком исполнении?

Еврейские женщины в оккупированном Люблине, сентябрь 1939

В течение сентября ответ на этот вопрос искали внутри будущего Генерал-Губернаторства: обсуждались идеи «еврейского государства» близ Кракова или же «имперского гетто» в Люблине. В самом конце сентября Гитлер несколько раз высказывался о желании переселить все еврейство, в том числе и немецкое, куда-нибудь в Польшу, между Вислой и Бугом.

Так что, ничего удивительного не было в том, что Эйхман и Шталеккер (начальник полиции безопасности и СД в Богемии и Моравии), по указанию шефа гестапо Генриха Мюллера о депортации евреев из Вены, Катовиц и Остравы, выехали 12 октября на трехдневную рекогносцировку в зону, еще контролируемую Красной Армией, и остановили свой выбор на пространстве в 20 тыс. кв. км. между Вислой, Бугом и Саном со столицей в Люблине.

В эту резервацию, по их мнению, должны были свозить всех евреев со всей Европы, но в первую очередь из Германии, Австрии, бывшей Чехословакии и Польши. Поляков же предполагалось частично переселить в районы, освобождаемые от евреев.

Собственно депортации евреев начались уже 9 октября 1939 года. Евреев заставляли подписывать заявления об их якобы добровольном переезде в «лагерь для переобучения». Станциями прибытия были главный лагерь Ниско на реке Сан, а также промежуточный лагерь в деревне Заречье на противоположном берегу. Оба лагеря были совсем недалеко от советской границы, и некоторым евреям удавалось даже бежать в СССР.

С собой разрешалось брать до 50 кг. багажа, помещающегося в сетке вагона над занятым местом. Приборы и инструменты можно было сдать в багаж. Разрешалось иметь: 2 теплых костюма, зимнее пальто, плащ, 2 пары сапог, 2 пары нижнего белья, платки, носки, рабочий костюм, спиртовку, керосинку, столовый прибор, ножик, ножницы, карманный фонарик с запасной батарейкой, подсвечник, спички, нитки, иголки, тальк, рюкзак, термос, еду. Денег — не более 200 рейхсмарок. Освобождение от переселения было возможно либо по причине болезни (официально засвидетельствованной), либо при наличии документов, подтверждающих эмиграцию в другую страну.

Казалось бы, у резервата «Ниско-на-Сане» — большое будущее! Между тем уже 27 октября депортации были прекращены, главным образом, из-за протеста генерал-губернатора Ганса Франка, только что назначенного на должность и желавшего всю свою вотчину сделать юденфрай.

Конфликтующими сторонами были две внутриведомственные ветви власти или, еще точнее, два конкурирующих друг с другом «проекта» Третьего Рейха — еврейская эмиграция и немецкая иммиграция.

Пропагандистский плакат: «Данциг — немецкий» и марка с изображением Данцига 1940 года

Первые корабли из Риги и Ревеля прибыли в Данциг практически в те же самые дни, что и первые венские евреи в Ниско. Всего из Прибалтики и Волыни планировалось переселить в Вартегау (название западной Польши после ее аннексии Третьим рейхом) около 200 тысяч фольксдойче, но само Вартегау, соответственно, предстояло перед этим ускоренно освободить от евреев и поляков. Первоначально речь шла о необходимости переселить оттуда до конца 1940 года 80 — 90 тыс. евреев и поляков, а потом еще около 160 тыс. одних только поляков.

Но сил на все не хватало, и приоритет был отдан именно задаче иммиграции, подпираемой и еще одним фактором: уже в конце октября СССР ввел свои войска в прибалтийские страны, и Германия, как никто другой, твердо знала, что за этим последует: аннексия.

План Мадагаскар

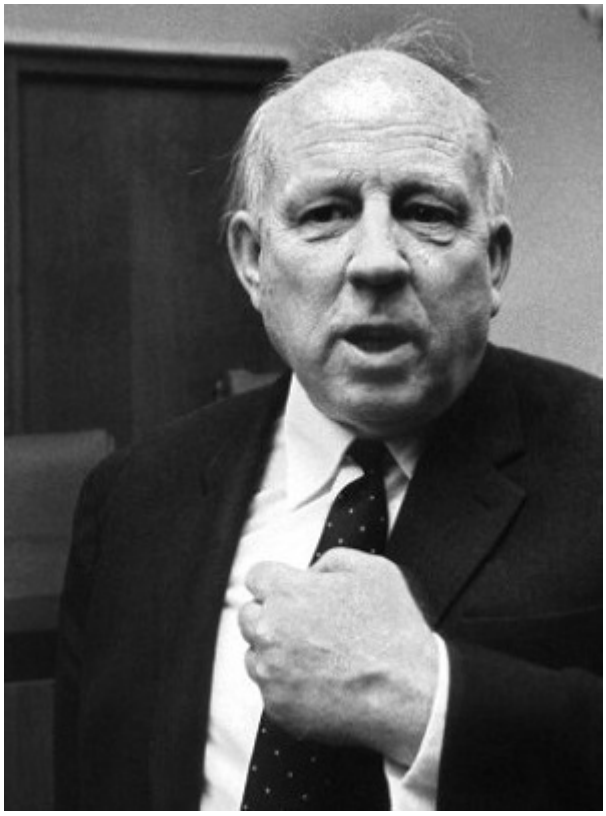
Дополнительным фактором стала и новая идея-фикс еврейского резервата — так называемый План Мадагаскар. Сам по себе этот экзотический остров как место возможного еврейского заселения впервые возник еще в начале века, в

еврейско-сионистских кругах. Первой страной, поднявшей вопрос об эмиграции сюда еврейского населения, стала Польша, в 1937 году даже посылавшая на остров специальную польско-еврейскую комиссию. Впрочем, еврейские члены комиссии после посещения Мадагаскара отнеслись к этой идее саркастически.

Но сама идея «не сгинела», особенно после международной конференции о судьбе еврейских беженцев, прошедшей на французском курорте Эвиан с 5 по 16 июля 1938 года. Конференция закончилась почти полным провалом — под саркастические ухмылки немецкой прессы.

Лишь одна страна — Доминиканская республика — изъявила готовность принять евреев, а Великобритания предложила им для переселения свою колонию в Восточной Африке — Уганду (и чем же это лучше Мадагаскара?).

После провала конференции эту идею подняли на щит уже нацисты. План Мадагаскар представлялся им наименее болезненным средством по «обезъевреиванию» Европы, причем, в качестве возможной альтернативы французскому Мадагаскару обсуждались британская Гвиана и бывшая германская Юго-Западная Африка. В декабре 1939 года министр иностранных дел Германии фон Риббентроп изложил Папе Римскому мирный план, предусматривавший среди прочего и эмиграцию немецких евреев: в качестве стран иммиграции рассматривались Палестина, Эфиопия и все тот же Мадагаскар. Котировки Мадагаскара подскочили особенно высоко после поражения, нанесенного Германией Франции: победитель потребовал себе мандат на управление Мадагаскаром.

Франц Радемахер

Номер Der Sturmer с передовицей о Плане Мадагаскар

В начале июня 1940 года дипломат Франц Радемахер представил план, согласно которому 25 тысяч французов покинут тропический остров, Германия организует на нем военно-морскую и военно-воздушную базы, а на неоккупированную часть Мадагаскара завезут 4-5 миллионов евреев, которые будут заниматься сельскохозяйственной деятельностью под надзором назначенного Гиммлером полицай-губернатора. От этого плана всерьез отказались только в начале осени 1940 года, когда Гитлер принял решение о нападении на СССР.

Проект Биробиджан

Таким образом, письма Чекменеву документируют доселе совершенно неизвестный проект «решения еврейского вопроса» — посредством эмиграции, эвакуации или депортации (как ее ни называй) немецко-австрийского, чешского и польского еврейства в СССР. Если датировать отправку писем (по всей видимости, по дипломатической почте) концом января 1940 года, то русский проект Эйхмана (назовем его, чисто условно, Проект Биробиджан) ложится прямо между эпицентрами двух других

аналогичных проектов — «Эксперимента Ниско» и «Плана Мадагаскар».

В каждом из трех проектов немцами двигала та или иная конкретная надежда: в проекте «Биробиджан» это была, наверное, надежда на «жидо-большевистский» Интернационал.

К началу 1940 года в руках у немцев оказалось огромное число еврейского населения — до 350 — 400 тыс. человек в самом Рейхе (включая австрийских евреев, и евреев Чехии и Моравии) плюс более, чем 1,8 млн. человек в Генерал-Губернаторстве, на бывших польских территориях. Именно о них, в сущности, и говорится в письмах товарищу Чекменеву. Избавиться от них было и психопатической мечтой, и политической целью Гитлера.

Но был ли этот подарок желанен Сталину? Подарок в 2,2 млн. евреев — людей с мелко- и крупнобуржуазной психологией? Даже с полутора сотнями тысяч польских евреев государство уже основательно помучилось, отправляя их на торфоразработки или в депортацию! Да и кто знает, не скрывается ли под личиной этого лавочника или портного немецкий шпион — шпион страны, обороняться от которой имелось в виду исключительно на его территории?

Нет, сердце тирана-интернационалиста, исполненное классовой любви к пролетариату и граничащего с антисемитизмом недоверия даже к «своим» евреям, такого «подарка» просто не выдержало бы!

Сталин с министром иностранных дел Германии Риббентропом

Если разрешить им вольное проживание по всей стране, то сколько же сил, энергии и затрат потребовалось бы на их чекистско-оперативное обслуживание? И не отправлять же их всех в ГУЛАГ или на спецпоселение, как это было сделано по отношению к нескольким десяткам тысяч еврейских беженцев из Польши?

Если расселить их на Западной Украине, как предлагали немцы, то там ведь и так уже почти 1,4 миллиона «трофейных» польских евреев! Куда бы их самих деть, учитывая стратегическое значение этого региона в недалеком будущем?

А если отправить их в резерват «Биробиджан-на-Амуре», как это тоже предлагали наивные немцы, то ведь он рассчитан всего на несколько сотен тысяч человек и его инфраструктура не способна переварить больше 15 тысяч евреев в год!

Отказ СССР от столь лестного предложения Германии был запрограммирован.

Приведенные Чекменевым сугубо формальные соображения, в сущности, смехотворны и даже немного лукавы (никаких «русинов» в тексте соглашения нет). Истинные мотивы отказа лежали, скорее, в патологической шпиономании сталинского режима, в подозрительно-недоверчивом отношении к классово-буржуазной еврейской массе из капиталистических стран, а также в колоссальных масштабах предложенной Берлином иммиграции.

Не знаю, отдавали ли себе Молотов и Сталин полный отчет в том, какими последствиями для европейского еврейства обернется их отказ? По крайней мере, советский дипломат Ф.Ф. Раскольников (бывший посол в Болгарии и невозвращенец-эмигрант) прекрасно уловил последствия такого отказа. Еще в сентябре 1939 года он обратился к Сталину с поистине пророческим открытым письмом: «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов».

Проще всего было бы откликнуться на обнаруженный документ восклицанием типа: «Ах, оказывается, евреев Германии, Австрии и Польши можно было спасти! Гитлер предлагал их Сталину, а тот, сволочь, не согласился, не спас, оставил их на погибель!».

Еврейские беженцы покидают Варшаву, 1939

Но подумать так — было бы упрощением ситуации. СССР преследовал свои собственные интересы, реализации которых массовое прибытие евреев могло только помешать. И Сталин не был бы Сталиным, если бы руководствовался морально-вероятностными императивами или просто клюнул бы на удочку Гитлера и снял с него эту головную боль.

Мало того: именно СССР оказался практически единственной страной, принявшей у себя значительные количества еврейских беженцев из части Польши, оккупированной немцами в сентябре 1939 года. Те из них, кого против их воли депортировали на восток в июне 1940 года, оказались — опять-таки совершенно непреднамеренно — убереженными от смертоносного немецкого нашествия спустя год.

Получив отказ (или, что более вероятно, не получив из Москвы никакого ответа), Эйхман едва ли расстроился. Он был готов и к этому. Но серия неудач с территориальным решением еврейского вопроса — Ниско, Биробиджан, Мадагаскар, — безусловно, подтолкнула его к поиску других путей — экстерриториальных, куда более радикальных и абсолютно надежных.

Казнь вместо высылки, газовые печи вместо гетто, яры и карьеры вместо лагерей, братские могилы вместо Мадагаскара или Дальнего Востока. Да, вопрос тогда так и остался открытым. Но ненадолго — года так на полтора.

Его позднейшее и иное решение — народоубийство, — как известно, вошло в историю под страшным именем Холокост, или Шоа.

Павел Полян, «Новая газета»